

A close-up photograph of a person's hand holding a thin gold chain. The chain is draped over a large, textured toad that is sitting on a rough, brownish surface. The toad has a mottled pattern of brown and tan. The background is dark and out of focus.

Глеб Карпинский

**ПОДАРОК КО ДНЮ
РОЖДЕНИЯ**

Реальная история!!!

Глеб Карпинский

**Подарок ко дню рождения.
Реальная история!!!**

«Издательские решения»

Карпинский Г.

Подарок ко дню рождения. Реальная история!!! /
Г. Карпинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932630-0

«Подарок ко дню рождения» — реальная история одной пары, вынужденной расстаться в молодые годы из-за нехватки денег и неопытности в сексуальных отношениях. У каждого из бывших супругов своя судьба. В поисках счастья она уезжает в Испанию, пытаясь интегрироваться в среду. Он в отчаянии уезжает в захолустную деревню, напрасно надеясь, что там может заработать много денег. Через 15 лет им предстоит встретиться в ее сороковой день рождения. Но что он подарит ей? И будут ли они потом вместе?

ISBN 978-5-44-932630-0

© Карпинский Г.
© Издательские решения

Содержание

Несколько лет назад	6
Наши дни – жизнь в деревне	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Подарок ко дню рождения Реальная история!!!

Глеб Карпинский

*Серое небо ползет надо мною,
Пушки стреляют, град не хотят.
Снова играю я в прятки с судьбою,
Смело вперед и ни шагу назад.*

Из забытого.

Редактор Ирина Карпинская
Фотограф Ирина Карпинская

© Глеб Карпинский, 2019
© Ирина Карпинская, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4493-2630-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несколько лет назад

Телефон отключили еще днем. Максим не сразу понял причину, думал, что это просто неполадки со связью. Но потом все разъяснилось. Телефон был корпоративный, и его отключили намеренно, чтобы вывести Максима из игры. Его увольняли в самый ответственный момент, уволили подлю накануне сделки. К этой сделке Максим шел почти два года: работал за копейки на результат, ездил в командировки, оставляя молодую жену одну, посадил не одну печень на переговорах с людьми, которые ему даже в подметки не годились. Но что было делать? На тот момент ему было двадцать пять лет. Он работал торговым представителем в московском офисе одной международной компании, продавая трансформаторы для ТЭЦ. Трансформаторы были надежными, но очень дорогими, и часто российские предприятия в них очень нуждались, но испытывали сложности с их закупкой. В то время кредиты были редкостью, а лизинг звучал как неприличное слово. Поэтому в ход шли всевозможные хитрости, основанные на личных договорных отношениях между представителем продавца и представителем покупателя. В этом случае откат был на полмиллиона Евро и распиливался между представителями покупателя и верхушкой российского представительства компании, где работал Максим. В это время он был ангелом – искусителем: имел презентабельную внешность и подвешенный язык, носил дорогой костюм, умел расположить к себе любого, от кого зависело то или иное решение. В общем, был не плохим менеджером, и если бы не сложная экономическая ситуация в стране, давно бы поднялся по карьерной лестнице, провернув пару отличных сделок.

Ему наконец повезло. Максим выбил сертификацию на соответствие российским аналогам, получил добро от главного инженера, вышел на нужных людей, собрал все документы и победил в подставном тендере. Но в какой-то момент он совершил ошибку, сведя свои полезные контакты напрямую со своим боссом, вел себя на всех этих переговорах дерзко и уверенно и, тем самым, дал понять, что и он – парень не промах и с ним тоже надо делиться. Он никогда не думал, что его могут так попросту кинуть, уволить в один день без объяснения причины. Теперь все объяснялось, почему в этой компании была колоссальная текучка, а начальство разъезжало на дорогих иномарках.

«Ну что ж! Война так война!» – подумал Максим и ворвался в кабинет к директору.

Максим был молод и горяч, не мог контролировать свой гнев. Ему казалось, что он несет свет справедливости этому миру и отступать нельзя. Директор был стар и хитер. Он ждал его с улыбкой на лице, понимая, что Максим ничего не сможет сделать, что контракт уже подписан и предоплата внесена. У директора на руках были какие-то козыри, какие-то сфабрикованные доказательства того, что работник некомпетентен, заслуживает увольнения и что он должен даже быть благодарен компании за ту любовь и доверие, которые ему оказывали эти годы. Но не тут-то было. Тогда Максим на эмоциях, оскорбленный своим положением, прямо в глаза сказал, что об этой теневой части сделки узнает центральный офис в Цюрихе, что им уже составлено грамотное письмо с грязными подробностями на английском, готовое в любой момент отправиться по назначению. Конечно, когда вокруг него стали собираться наглые, лоснящиеся от легкой зажиточной жизни морды, уволенный сотрудник чуть не спавал. Он был тогда слишком молод, чтобы оценивать реальную угрозу, которая от них исходила. Эти всевозможные проходимцы и чьи-то ставленники в предвкушении жирного пирога, который он им принес на блюде, готовы были пойти на все, лишь бы урезонить выскочку, осмаливающегося бросить им в одиночку вызов. Они откровенно угрожали последствиями,

матерились и кричали, говорили, что он сейчас отправится прямиком в тюрьму за шантаж или вообще не выйдет из этой комнаты, но Максим не дрогнул, настаивал на своем. В результате стороны договорились, что он увольняется по собственному желанию, причем вчерашним числом, что компания после передачи дел выдает ему на руки трудовую книжку и никаких претензий к нему не имеет. В обмен на молчание и, так сказать, моральную компенсацию ему дали тысячу Евро, хотя Максим просил десять. Но он прикинул, что лучше получить хоть немного, чем потерять все. Бороться с ушлыми и матерыми ворами, в глазах которых он являлся еще одним мальчиком для битья, было одному не под силу. Он и так сыграл на блефе, на эмоциях, и когда он под вечер вернулся домой, то почувствовал сильное облегчение, что все более или менее закончилось для него благополучно.

Деньги, полученные кровью и потом, он отдал молодой жене, точнее бросил ей небрежно, и она, взяв их, словно это были обыденные деньги, которые он приносил чуть ли не каждый день, убрала к себе в сумочку.

– Я не могла до тебя дозвониться сегодня целый день, – сказала она немного обиженно.

– Можешь выкинуть этот номер в помойку. Меня уволили, – огрызнулся он, ставя на стол перед собой три бутылки пива.

– Опять? – совсем не удивилась она. – Этого следовало ожидать. У тебя несносный характер.

Максим промолчал, уже обдумывая свое новое резюме для соискателей. Сидеть без дела он не любил, да и жена не позволит расслабиться. Завтра, послезавтра его ждут новые приключения, новая карьера, новые возможности. Ему непременно повезет, непременно...

Он бросил взгляд на молодую жену. Она собиралась выходить на улицу и наводила макияж перед зеркалом. Что-то в ней не нравилось ему, может, чересчур дерзко нанесенная на лицо косметика.

– Ты куда? – спросил он, откупоривая одну из бутылок. – Я думал, мы проведем сегодня неплохой вечер. – Как ни крути, я вышел сухим из воды, и принес тебе деньги. Не каждый так может.

– Ты совсем забыл, что у меня уроки, милый. Приду поздно.

За окном уже темнело. Максим нахмурился. Он открыл одну из бутылок и сделал глубокий глоток. Пиво оказалось теплым и безвкусным. То, что жена уходит в ночь также не понравилось ему, но он смирился с этим, потому что считал, что во всем виноват только он. Именно он мало зарабатывает и каждый раз убеждает ее потерпеть, когда на их головы посыплется золотой дождь. Но она, очевидно, уже не верит в него, ей приходится давать частные уроки испанского.

– Ты чем-то не довольна? – он вдруг почувствовал ноющую тоскливую боль в сердце. – Между прочим, я рисковал.

Он как будто обиделся на нее, уставился в какую-то точку. Ему захотелось, чтобы она осталась, чтобы они могли поговорить по душам, как прежде, о Боге, о бесконечности вселен-

ной, о каких-то интересных и духовных вещах. Но за его спиной раздался торопливый стук каблуков, и Максим уловил витающий по комнате легкий, цветочный парфюм жены. Она явно опаздывала и совсем, казалось, не замечала его состояния.

– Ты у меня молодец, – быстро сказала она уже в дверях. – Но тысяча Евро – это не деньги. У Ольги Ковальчук муж недавно трешку купил в Марьино, и, всего-то, барменом во Friday's на Тверской работает. Она мне только что звонила, говорит семьдесят квадратов, не то что у нас лачужка, приглашает нас на новоселье, а у меня даже платья нормального нет. После занятий я как раз зайду в торговый центр. Не скучай.

На прощание она его даже не поцеловала, сильно спешила выпорхнуть из квартиры, лишь бы не видеть его подавленным и опустошенным. С Максимом она жила в браке чуть меньше пяти лет, и каждый раз ожидала, что он заработает свой миллион, но время шло, а денег все не было и не было. Она была единственной дочкой богатых родителей, и те с детства ей внушили, что нужно искать себе мужа успешного и предприимчивого, такого как ее папа. Но быть, как папа он не мог. Максим итак прыгал выше головы. То, что он заработал в двадцать два года на однушку в Москве, а также совсем недавно отдал жене новенькую Мазду, чтобы она не чувствовала себя ущербной среди своих подружек, уже было большим достижением. Да, он признавал, что его жена достаточно избалована и капризна, что она имеет большие запросы и часто находится в иллюзиях, что большие деньги так легко достаются. К тому же, она сильно попадала под влияние матери, которая откровенно не любила Максима и всегда считала его не достойным своей дочери. Все это усугублялось еще тем, что теща имела проблемы в личной жизни, отец семейства, судя по всему, нашел на стороне молодую любовницу, и оскорбленная этим она срывалась на семейном счастье своей дочери. Максим ей был, словно кость в горле. Она словно ревновала, настраивая дочь против своего зятя, и каждый раз была всегда по большому – указывала на его заработок, который в последнее время оставлял желать лучшего.

Молодые относились к ее словам терпимо, и если Максим выходил из себя, то жена ласками и поцелуями просила его не реагировать на слова мамы, объясняя это трудным положением в семье. Но Максим справедливо срывался, даже дерзил своей теще, чем доводил обеих до слез и истерик. В конце концов, он был даже рад, когда жена занялась репетиторством.

Она с детства неплохо знала испанский язык. Но вся эта работа не приносила много денег, а была лишь поводом, чтобы проводить как можно больше свободного времени друг от друга. Детей они уже не хотели, хотя иногда в их скудной сексуальной жизни вспыхивали вялые попытки склеить их расшатывающийся союз, но беременность все равно не наступала, и это еще больше угнетало Максима, снижая ему до минимума мужскую самооценку. Он уже боялся забить гвоздь в стене, чтобы повесить картину, так как ему наперед говорили, что забьет он его как-то не так, и пусть лучше приедет папочка и все правильно сделает. Все шло к разводу, хотя Максим отказывался в это верить. Он верил в любовь, в то, что ничто не способно разрушить их брак. Но это были иллюзии. То давнишнее увлечение Максимом до замужества, когда они оба были еще девственниками, молодая девушка расценивала лишь как естественный первый опыт. Она никогда не любила своего мужа настолько, чтобы связать с ним всю свою оставшуюся жизнь, любовь была ей еще не знакома. Ее девичья влюбленность впервые разбилась о быт, и молодая девушка ничего не могла с этим поделать. Теперь она лишь ждала удобного момента расстаться с мужем, хотя прекрасно понимала, что он любит ее и ему будет очень тяжело это расставание. Она все откладывала на потом, в душе надеясь, что Максим вдруг мистическим образом исправится и станет настоящим мужчиной, за которым бы она чувствовала себя, как за каменной стеной, обеспеченным, сильным, успешным. В последние

дни она вдруг поняла, что ждать уже больше бессмысленно, и в этот вечер решилась поговорить о разводе и даже о том, чтобы он оставил ей квартиру с машиной.

«Ну если ты так веришь в себя, то оставь мне все, свое ты еще заработаешь, – думала она, представляя разговор с мужем. – К тому же, все, что ты заработал, это было для моего счастья, и, значит, ты должен быть честен со мной. Мы всегда будем друзьями, а, может, быть, когда-нибудь, когда ты станешь по-настоящему тем, кого я хочу в своей жизни, мы воссоединимся, и это расставание будем вспоминать с легкой улыбкой на устах».

Потом ее начинало злить от того, что какая-то другая девушка будет жить с ним рядом и, возможно, любить его, что у него могут даже родиться дети, и все эти представления о том недалеком будущем, еще больше отдаляли ее от Максима. Она плакала и представляла, что уже это произошло, что ее единственный Максим, которого она слепила из того, что было, женат на другой и нянчит не ее детей. Все это вызывало в ней приступы жестокости к нему.

Когда же она вернулась домой, на душе у нее было скверно, но не потому, что она купила не то, что хотела, а потому что произошло то, чего она не ожидала, но в глубине души всегда мечтала об этом. Она поспешила в душ, чтобы смыть с себя всю эту грязь города и чтобы муж не видел ее размазанных от жарких поцелуев губ и растрепанных волос.

Максим еще не спал, он ждал ее до самой ночи, и тревога и беспокойство отражались на его бледном от переживаний лице. Когда он услышал звон ключей и открывающуюся дверь, он вздрогнул, словно услышав свой смертный приговор, и ему вдруг захотелось притвориться спящим, чтобы все это прошло, как страшный сон, и наутро проснуться обновленным и сильным. Какое-то время он даже дремал на самом деле, но когда молодая девушка вышла из душа, он вдруг почувствовал, что произошло нечто уже непоправимое. Он сжался в диван, его затрясло от гнева. И когда жена, холодно и таинственно улыбаясь, прижалась к нему своим прохладным мокрым телом, он вдруг понял, что она еще час назад была не с ним, что кто-то другой ласкал ее, и жгучая боль пронзила ему сердце. Он даже застонал и заплакал, как ребенок, отстраняясь от нее, словно от прокаженной, не зная в чем искать спасения. Такое безразличное и паническое поведение оскорбило ее до глубины души. Она надеялась на конструктивный разговор, но, услышав его жалкие всхлипы, привстала, обертываясь в белое полотенце, гордо взмахнула головой, и капли с ее волос упали на его лицо.

– Да, Максим, я тебе изменила, – призналась она, видя, что он интуитивно догадывается в этом, а врать и притворяться верной женой она больше не могла.

– И с кем? – переспросил он еле слышно, не узнавая свой голос.

Ему вдруг захотелось обозвать ее плохими словами, самыми дурными, которые он знал о женщине.

– Разве это важно? – спокойно ответила она. – Я изменила тебе и, скажу больше, впервые испытала настоящий оргазм. Мы с тобой уже пять лет хороводы вокруг елки водим и ничего подобного я не испытывала. Все произошло быстро, я даже не сопротивлялась. Я просто отдавалась ему и все, понимаешь? А ты еще ребенок, все еще мальчик. Мы давно не пара, живем по инерции. Кому и что мы доказываем? И мама говорит то же самое, что нам давно надо расстаться. Я все от нее отмахивалась, надеялась, что у тебя получится, вся эта сделка, она была так реальна, и ты хорошо умеешь вешать лапшу на уши, но... Я реально устала, я хочу хороших

условий и нормального мужика, хочу быть с ним как за каменной стеной. Не думать, кто будет менять колеса на машине, не задаваться вопросами, где взять денег на второе образование. Ну, скажи мне какие перспективы с тобой, какие? Тебя все время кидают, обманывают, ты слишком добрый для этого мира. Тут надо иметь острые зубы.

– Ну да, – ответил он с ехидцей, рассматривая чужие засосы на ее шее. – Такие зубы, которые только что тебя утащили в постель.

– Хотя бы такие! – возмутилась она. – И не смей обсуждать моих любовников!

Сказать, что ему было больно, выслушивая упреки жены и признание ее в измене, не сказать ничего. Он дрожал, ему хотелось покончить с собой, он даже заперся в ванной с ножом, и его остановило только то, что она не пыталась его остановить. Он понял, что сам виноват в этом, что нужно бороться и доказать ей, что он лучше всех. Он даже мысленно простил ее за измену, и она тоже заплакала, и они предались любви. Но даже в эти отчаянные моменты их последней близости, она делала ему замечания, злилась на его робкие попытки ласкать ее.

– Обязательно надень это! Такой растяпа! Мне неприятно. Почему ты так быстро кончаешь? Ты не так все делаешь! Ты никогда не наклонишь меня и не мечтай! – она пыталась руководить им, словно наученная каким-то шутником-гуру, и этот гуру присутствовал в их постели, посмеивался, мешал Максиму сосредоточиться.

Обманутый муж наконец понял, что им нужно срочно расстаться, что разбитую чашку уже не склеишь, иначе все будет только хуже. Он оставил жену в ту же ночь, впопыхах собрав какие-то бессмысленные вещи. Он вышел на улицу в надежде, что она побежит за ним следом, вернет ему кольцо, которое он сгоряча стащил со своего безымянного пальца и положил на полку в коридоре. Но она не бежала. Он все еще слышал, как она звонит в слезах кому-то, может, своей маме, может, любовнику и жалуется, что муж любит ее уже меньше или даже уже больше не любит.

Потом Максим потерялся, словно в тумане. Он оставил жене все: и квартиру, и свою Мазду, оставил даже одежду, золотое кольцо на полке, зубную щетку, рубашку, фотографии, все воспоминания, нажитые за этот долгий период. Он просто ушел в никуда, шел, пока хватало сил, а потом, утомленный, присев на парапет, долго и долго думал, куда идти дальше и чем заниматься, на что жить, и стоит ли жить?

Наши дни – жизнь в деревне

За окном закукарекал соседский петух. Максим откупорил бутылку с мутной жидкостью и налил себе до самых краев в липкий, облюбованный мухами, граненый стакан. Его сейчас было сложно узнать: небритый, неухоженный, волосы едва тронутые сединой, отрешенный, печальный взгляд, но в руках еще чувствовалась сила. Стакан в его сжатых пальцах закрипел и лопнул, словно был сделан из льда.

– Carajo, mierda, mierda, mierda, mierda, – выругался он по-испански, облизывая сочащуюся по ладони кровь.

Он не сидел, как прежде, в деловом костюме с шелковым галстуком за сто пятьдесят Евро на шее. На его итальянской рубашке не было золотых запонок с нефритовым камушком. Эта рубашка давно превратилась в тряпку и лежала на пороге, чтобы об нее вытирали ноги. Сейчас на Максиме были футболка и тренировочные штаны, купленные на местном рынке, все жутко и неприлично мягкое, уже порванное в нескольких местах и запачканное грязью и навозом. Он сидел на скамейке у себя в хате, облокотившись о холодный саман, закинув прямо на столешницу одну ногу, с которой свисал черный, избитый шлепанец с протертой до дыр подошвой. Его уставшие и прищуренные от яркого солнца глаза смотрели отстраненно на экран старенького, дребезжащего ноутбука. Максим просматривал очередные ролики Ютуб на испанском языке и, судя по всему, как он спонтанно произнес ругательство, он делал успехи.

Хата, в которой он находился, была настоящая, саманная, с низкой черепичной крышей, маленькими окошками и деревянными рамами. В ней была небольшая кирпичная печка с треснутой и сильно ржавой чугунной плитой. На стенах висели меховые шкурки каких-то животных. Они еще пахли растопленным от жары салом и вяленным, проеденным жуками мясом.

Шел июль месяц. За окном горело, просачиваясь сквозь широкие листья винограда, южное кубанское солнце. Жил Максим давно не в Москве и даже не за городом. Полторы тысячи километров до столицы. Сюда даже если и захочешь добраться – целые сутки на поезде трястись, потом час на такси, да и не каждый отважится.

Жизнь сильно потрепала его, поизносила. После развода с женой он так и не женился вовсе, так и не нашел себя.

С работой Максиму не везло. Он все пытался поймать за хвост удачу и пару раз был даже близок к цели, но увы... В какой-то момент он понял, что работать на чужого дядю, это не его привилегия, что нужно самому думать головой и ни на кого не рассчитывать. Но открывать собственное дело он не мог: свободных средств не было. Все уходило на съем квартиры и еду. Он делал несколько неудачных попыток наладить свою личную жизнь. Но образ покинувшей его жены мешал ему полностью отдаться чувствам. Он все еще любил ее и страдал. Чтобы не сойти с ума от боли, Максим стал встречаться с девушками для сиюминутных отношений, находя их обычно в социальных сетях.

Сначала он искал себе девушек помоложе, верящих в романтику и любовь. Он хорошо вписывался в этот романтический образ побитого жизнью, одинокого волка, и ему легко удавалось дурачить эти милые головки. Он брал от жизни все по полной, не чувствуя никаких угрызений совести, к тому же, он никого не обманывал и честно рассказывал о себе, о том,

что он хочет, и что возможно в будущем их ждет непереносимое расставание. Но эти девушки, предупрежденные им, все равно летели на него, как мотыльки на огонь, и сгорали и гибли в тоскливом свете безответной любви. Но он, как хищник, был жесток с ними, считал, что те душевные страдания, которые он приносил своим жертвам этими короткими встречами, в порядке вещей, и что уж лучше будет он первым в этих делах, чем кто-то другой, более глупый и неинтересный.

Когда ему это все надоело, он какое-то время залег на дно, даже всерьез подумывая о том, а не затеряться ли где-нибудь на Соловках, при монастыре, посвятив свою грешную жизнь служению Богу. Но судьба скоро преподнесла ему новый сюрприз в виде нескольких зрелых женщин, в большинстве своем замужних, ищущих на стороне лишь развлечений и сексуальных впечатлений. Такие женщины много дали ему в плане опыта, но в их обществе он стал чувствовать себя просто забавной игрушкой, неудачником и даже невольно альфонсом. В конце концов, в нем сыграла мужская гордость, и он продолжил искать уединения в затворничестве, и заброшенный хутор в предгорьях Кавказа оказался как никогда кстати. Друзья и знакомые вертели у виска. Особенно не понимали его эти взрослые женщины, получающие от жизни все так легко и непринужденно. Некоторые из них, особо дальновидные, сулили ему хорошую работу через своих успешных в этом плане мужей и готовы были снять ему квартиру и оплачивать ее, лишь бы он оставался в столице. Таких предложений было несколько, и Максим иногда упиваясь тщеславием, мысленно выбирал варианты между Тверской и Южным Бутово. Но он уже был не так молод, не так красив, чтобы это продолжалось вечно. Ему хотелось любви с одной единственной, и мысли о бывшей жене не покидали его, тоска усиливалась. Он страдал. Ему казалось, что еще не поставлена точка в их отношениях, что и она тоже, возможно, страдает по нему и ждет его звонка. Но куда звонить, где искать? Бывшая жена куда-то и вправду исчезла. Ему всегда была интересна ее последующая после развода жизнь. Какое-то время поначалу, он отслеживал эти движения, даже выражал соболезнование, узнав о скоростной смерти ее папы, но сейчас не мог даже позвонить ей, спросить о ней у ее прежних друзей. Все хранили какую-то зловещую тайну, отреклись от него, как от назойливой мухи, и даже бывшая теща так и сказала ему в последний раз его тщетной попытки, хоть что-то узнать:

– Больше не звони нам, Максим. Ты и так много сделал нам зла. Оставь нас в покое ради светлой памяти Александра Петровича. У Маши все хорошо, она счастлива. Наконец-то она нашла свою любовь. И твое жалкое появление только принесет ей ненужные переживания. Иди своей дорогой. Забудь нас.

И он оставил столицу, добравшись до хутора на каких-то попутках с небольшой сумкой вещей. Там, в темноте ночи, он вручил деньги ошарашенному продавцу и, тем самым, начал для себя трудную, но интересную и насыщенную физическим трудом, полную новых надежд жизнь.

– Мне больше ничего не надо, – говорил он тогда, оправдывая свое бегство из столицы. – Крыша над головой и кусок земли, и чтобы мне не мешали. А прошлое свое я и вправду забуду. У меня его никогда и не было.

Ему еще по привычке звонили дамочки, но все эти болтливые, ни о чем разговоры истощали ему силы, и в какой-то момент, во время стирки, он случайно утопил телефон с их контактами.

Жизнь начиналась с чистого листа. Иногда он все же звонил своим пожилым родителям, которые жили в Подмоскowie, звал их к себе, рассказывал о жизни на Кубани. Все эти редкие, раз в полгода звонки были единственными звеньями, связывающими его со столицей, где он провел свои молодые и довольно бурные годы. Теперь он сам словно очутился на пенсии, на заслуженном отпуске, и, наслаждаясь девственной природой, бродил по здешним предгорьям, общался с местными жителями, познавал быт кубанцев. Все его скромные накопления заканчивались. Надо было искать источники дохода здесь, как-то выживать на земле. Тогда он бросился с энтузиазмом в сельское хозяйство, решив засадить все картошкой, предвкушая большие урожаи, а также завел цыплят. Много сил и времени было потрачено на это. Огород после дождей быстро зарастал осотом и амброзией. Ему приходилось постоянно тяпать и окучивать рядки, утопая по колено в черной грязевой массе. Потом пришла жара, и земля превратилась в камень, но это было еще полбеда. Колорадские жуки, медведки и кроты, как он с ними не боролся, погубили весь его урожай. Выкопав в конце лета жалкие остатки, Максим понял, что сажал по весне в три раза больше, чем собрал в середине лета.

– Может быть, я не угадал с сортом или культурой? – решил не отчаиваться он и следующий сезон посвятил кукурузе.

Кукуруза, действительно, росла лучше, тянулась к солнцу, сама заглушая любой сорняк. Следующий год был более дождливым. Сочные початки так и радовали глаз, Максим уже потирал руки в предвкушении прибыли. Сосед предложил хорошие деньги, но однажды на огород зашло станичное стадо, и все было съедено и загублено.

Что касается кур, то они даже не успели снести первые яйца, неопытный молодец побили хитрые сойки, и последнего петушка, уже истерзанного, с выдранный печенью Максиму пришлось отбивать у коршуна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.